

Социальное положение и обучение ремесленных учеников Санкт-Петербурга в XIX-начале XX в.

Andrei Viktorovich Keller

Social status and education of craftsmen apprentices in St. Petersburg (19th - early 20th centuries)

With the development of education in craft guilds it became possible to supply qualified personnel for small, medium and large-scale industry in St. Petersburg. It is no coincidence that large production units in factories were called guilds, which included metalwork, blacksmithing, carpentry, wheelwork and other trades. In craft guilds the production hierarchy included the guild master, who oversaw several workshops, and each workshop contained a craft master, journeymen and apprentices. Additionally, there was a complement of laborers, who had no any special education. From 1722 to the early 20th century, education in craft guilds progressed along a controversial and difficult path, on which ignorance and lack of professionalism coexisted with Russian Kulibin and Polzunov. In this paper, the author outlines the evolution of education in craft guilds and demonstrate how it was possible to transform the craft guild into an institution that contributed to the industrial revolution.

Keywords: Sankt-Petersburg; craft guilds; craftsman as citizen; modernisation; education in craft.

С развитием ремесленного образования в России связано появление институтов, поставлявших квалифицированные кадры для мелкой, средней и крупной промышленности Петербурга. Не случайно крупные производственные подразделения на заводах именовались именно цехами, соответственно литейному, кузнечному, столярному, колесному и другим ремеслам. Да и сама производственная иерархия не отличалась от мастерской цехового мастера, где работали ученики, подмастерья и мастера. Их дополняли разнорабочие, не имевшие какого-либо специального образования. С 1722 г. до начала XX века ремесленное образование в России прошло противоречивый и сложный путь, где уживались невежество и низкий профессионализм с русскими Кулибиными и Ползуновыми. Попытаться обозначить эволюцию ремесленного образования – значит показать, каким образом было возможно трансформировать новые-старые институты цехового ремесла для существования в условиях индустриальной революции. На примере деятельности и публикаций государственных и общественных деятелей К. К. Грота, А. Штакельберга, П. Н. Игнатьева, Г. Ф. Ракеева и А. И. Ядрога проанализированы концепции ремесленного образования и место учеников в ремесле Санкт-Петербурга XIX века.

Ключевые слова: Санкт-Петербург; цехи; городское ремесло; ремесленники; ремесленные ученики; профессиональное ремесленное образование.

По истории профессионального и ремесленного образования в России до начала XX в., и Петербурга в частности, в последние годы появился ряд публикаций, дающих, с одной стороны, общую картину его развития и создающих основу для дальнейших исследований, с другой, петербургская тематика затрагивается в них довольно фрагментарно, причем, ремесленное образование рассматривается наряду со средним техническим и высшим инженерным (4; 35). Вследствие этого, картина ремесленного образования получается несколько «смазанной». Помимо работы К. А. Пажитнова о ремесленном законодательстве, затрагивающей положение ремесленных учеников и учениц, из публикаций последних лет следует упомянуть работы И.В. Синовой, А.Б.

Вахромеевой и А.В. Келлера (36; 37; 6; 9; 10; см. теоретические основы: 42, с. 11-12).

С введением цехов в России именованным указом о цехах от 27.04.1722 г. законодатель посчитал достаточным лишь предписать, что ремесленные ученики не причисляются к гражданам города и не ранее как по истечении семи лет обучения получают «свидетельствованные письма» об окончании обучения (18). Это означало для них переход в звание подмастерьев. Ремесленное положение 1785 г. не изменило принципиально статус ученика, но описало более подробно его отношения с мастером. С введением книги учеников, в ремесленной управе стал возможен их постоянный учет и контроль (19).

Хотя в новом Ремесленном положении, принципы которого вошли во все корпуса ремесленных узаконений позднего времени, мастеру предписано «обходиться с подмастерьями и учениками справедливо и кротко, [...] человеколюбиво и сходственно здравому рассудку», на практике выходило совсем иное. Допущение методов традиционного воспитания не исключало применение «справедливого» физического наказания. Мастер мог наказать ученика «по-отечески», пользуясь правами хозяина дома, в лучшем случае оплеухой, в худшем – побоями. Ученик в свою очередь обязывался быть «послушен и прилежен».

Исходя исключительно из законодательных актов, трудно сказать, каким было фактическое положение ремесленных учеников в России XVIII – первой трети XIX в., когда ребенок или подросток не пользовался никакими правами, и его воспитание полностью отдавалось на усмотрение мастера. Поэтому, когда правительство и техническая интеллигенция в рамках работы по подготовке введения нового Городового положения С.-Петербурга в 1846 г., послужившего прототипом Городового положения 1870 г., стали уделять больше внимания положению учеников, выяснился ряд случаев вопиющего беззакония и жестокого обращения с учениками (8; 11; 9, S. 284-295). Благодаря докладам государственных комиссий, статьям специалистов технического образования второй половины XIX в. и произведениям художественной литературы последней четверти XIX - начала XX вв. можно получить адекватное представление о нелегкой судьбе ремесленных учеников.

Несмотря на всю критику ремесла со стороны современников, важно показать динамику развития в ремесленном образовании, а она была, несомненно, позитивной. Со временем негативные случаи стали получать все более широкую огласку, принимались более действенные меры по улучшению положения учеников со стороны правительства, общества, ремесленных мастеров.

Ремесленное образование не было прерогативой только цеховых ремесленников. Указом от 7 января 1736 г. право выдавать дипломы ученикам и подмастерьям получают фабриканты, принадлежавшие к купечеству 1 и 2 гильдий (27). На этой почве у ремесленной управы Петербурга часто возникали конфликты с таковыми ремесленниками, деятельность которых она старалась с переменным успехом запретить. Большинство учеников Санкт-Петербурга обучалось вплоть до начала XX в. в ремесленных мастерских. Именно к этому времени число рабочих на фабриках и заводах впервые превысило количество ремесленников (9, S. 31).¹

Согласно докладу статского советника Ознобишина в 1841 г., основная масса учеников, отдававшихся в обучение мастерам, происходила из крепостных крестьян (28). Помещики практиковали отдачу детей на обучение в город, чтобы получать впоследствии денежный оброк. Ученики воспринимались как бесплатная рабочая сила, применявшаяся не только в мастерской, но и в работе по хозяйству. Между этими видами деятельности не делалось большого различия, поэтому первые годы ученик занимался исключительно черной и домашней работой (11, с. 179-180). Несмотря на все недостатки, ремесло было важным инструментом социализации и профессионализации крестьянских ремесленников, мигрировавших тысячами в город.

Ученики выполняли, как правило, тяжелую физическую работу, часто терпели лишения и физическое насилие, не получали начального образования, за исключением определенного числа детей самих мастеров. Мастер портного цеха В. А. Резанов писал в 1842 и 1858 г. в докладных

¹ В 1900 г. это соотношение составляло 133.361 : 126.757.

записках и в 1847 г. в своей брошюре о портновском образовании в Петербурге, что у немцев и французов и у иностранцев в целом обучение учеников имеет свои преимущества (25; 30, л. 1-3; 32, л. 3-5).² Причины этого он видел в недостаточном образовании русских ремесленников. Среди русских портных было высокое число безграмотных. Русские ученики отдавались в учение к иностранцам в возрасте семи-восьми лет, где они обучались ремеслу шесть-семь лет, не посещая при этом школу. Ученик получал лишь навыки в сшивании готовых частей и придании формы, но не в искусстве создания эскиза и кройки. Последнее было прерогативой мастера. В гораздо более выгодном положении находились дети мастера, посещавшие школу и начинавшие занятия в ремесле с двенадцати лет. После того, как они проходили в полном объеме курс обучения, проработав подмастерьями два или три года, они с заработанными деньгами отправлялись по традиции в путешествие за границу, как правило, в Западную Европу (нем. *Gesellenwanderung*, *Wanderschaft*, *Walz*, *Tippelei*) для совершенствования в ремесле у других мастеров (30, л. 3).

Для исправления положения Резанов предлагал обязать помещиков давать ученикам начальное образование. По его справедливому мнению, ученики должны были сначала закончить начальную школу, и только после этого отдаваться в учение в город в возрасте от 12 до 14 лет. Предоставление после окончания обучения возможности совершенствоваться в ремесле за рубежом благодаря государственной стипендии, способствовало бы, по словам Резанова, значительному повышению уровня образования русских портных, а соответственно и улучшению качества их изделий (30, л. 5-6).

Предложениям Резанова не суждено было осуществиться, так как главным препятствием служило несвободное состояние многих ремесленников и неготовность мастеров и государства предпринимать в этом направлении какие-либо усилия. Более того, в 1840-е годы в Петербурге, согласно заявлениям председателя Комиссии по введению нового общественного управления (КВНОУ) в Петербурге К. К. Грота, процветала нелегальная торговля учениками, в особенности из Финляндии (31, л. 1-2, 18-20). Ежегодно выходцы из Великого княжества привозили несколько сотен детей в столицу и за определенную плату, без каких-либо обязательств со стороны владельца мастерской, отдавали их в бессрочное и полное его распоряжение. Торговцев не интересовала дальнейшая судьба этих детей. Мастер получал в данном случае свидетельство об ученике из Финляндии, которое он продлевал ежегодно в финской адресной конторе Петербурга. Именно Грот принял впоследствии, в должности губернатора Самарской губернии, деятельное участие в подготовке и проведении отмены крепостного права.

В разрешении спорных случаев между учеником и мастером могли принимать участие ремесленная управа и полиция, стоявшие без исключения на стороне мастера и принуждавшие ученика работать дальше. Грот предлагал обязать мастеров заключать с учениками исключительно письменные договоры, должные защитить мастеров от побегов учеников. Речи о запрещении детского труда тогда еще идти не могло. Прагматический интерес правительства приводил лишь к формальным мерам и фокусировался исключительно на защите прав, прежде всего, мастера (31, л. 18-20).³

Лишь с конца 1850-х и в 1860-е годы положение учеников все больше привлекает внимание общественности и правительства.⁴ В 1861 г. последовал именной указ о назначении кураторов от Императорского человеколюбивого общества для надзора за ремесленными мастерскими (34, л. 1; 33; 9, S. 286-287). Но контроль со стороны кураторов оказался малоэффективным, возможно из-за отсутствия особых прав или желания в наказании мастеров, злоупотреблявших своей властью (8, с. 3-5). Конечно, неправильно огульно говорить о распространенности методов насилия в обучении

² Эти документы впервые введены автором в научный оборот в своей диссертации в 2002 г. (9, S. 279, 280, 285).

³ См. о детском труде в Германии (13; 22).

⁴ С этого времени вопросам образования все большее внимание уделяет ремесленная управа русских цехов (10; 21).

учеников во всех ремесленных мастерских. Но количество негативных сообщений и настроение общественности говорили о том, что они были повседневным явлением.

В пример можно привести судебный процесс, состоявшийся в 1876 г., над мастером сапожных дел Крыловым. Приобретя девятилетнего ученика за 15 рублей у одного торговца, он взял его в четырехлетнее обучение. В данном случае можно говорить о патологии, когда Крылов подвергал ученика побоям и пыткам. Постоянные жестокие избиения привели к тому, что тело ученика было усеяно шрамами и ранами. Среди личных вещей у последнего была всего одна рубаха. Одним из способов пыток было подвешивание ребенка за ноги вниз головой. Суд приговорил ремесленника 04.09.1879 к 15 месяцам тюрьмы с лишением сословных прав. Это было первое серьезное наказание, которому подвергся ремесленный мастер за издевательства над учеником (5, с. 793-795).

Насилие обуславливалось многими факторами. Мастер обладал правом хозяина и главы семьи в отношении учеников и подмастерьев (15, с. 4). Последние были полностью в его власти. При этом не играло никакой роли, получал ли он их от родителей или от торговца. Разница заключалась лишь в оплате. Родители платили мастеру за учение, в то время как торговцы получали с мастера определенную сумму. В условиях патриархальных устоев в низших и средних слоях городского населения в этом не виделось ничего зазорного. В случае, если ученик сбежал, его доставляли обратно полицейские или сами родители, не видевшие для своего чада другого выхода, и не будучи в состоянии прокормить ребенка (8, с. 3-4). Для многих семей это был дополнительный источник дохода, если ученик получал за свою работу небольшую плату. Полиция не обращала внимания на жалобы учеников и соблюдала исключительно право собственности мастеров. Ведь по общепринятому правилу, мастер должен был «учить» ученика, и физическое наказание играло здесь не последнюю роль.

Сам факт, что случаи насилия стали предметом рассмотрения в судах, можно оценивать как большой шаг вперед. Благодаря этому общество стало осознавать необходимость улучшения положения учеников. Другой процесс, произошедший в пореформенное время, касался семейства Фельдман в Москве, владевшего прачечной и белошвейной мастерской. Хозяин немилосердно избивал своих подопечных и даже забил до смерти одну из юных работниц. Тяжелое положение подопечных привело их к нескольким попыткам отравления. Одна из сбежавших девушек была обратно доставлена околоточным Коровиным и избита хозяином в его присутствии (8, с. 3-4).

Ситуация усугублялась тенденцией замещения взрослой рабочей силы детской. Согласно исследованию государственной комиссии 1841 г., детский труд в столице преобладал в особенности в бронзовых, портных, сапожных, сигаретных и мебельных мастерских, шелковых и полотняных фабриках. У ювелирных и серебряных дел мастеров, в обойных, скорняжных, слесарных и портных мастерских соотношение между взрослыми и детьми составляло 9:5. Среди различных мастерских, в которых работало 3776 человек, число несовершеннолетних составляло 829 или 22% (28, л. 13). Одной из причин возросшего применения детского труда в ремесле, было более независимое положение подмастерьев, не желавших мириться с произволом мастеров, из-за чего увеличилось количество случаев неповиновения. Тенденция замены взрослого труда детским изменилась лишь к 1880-м годам, когда был принят ряд законов по защите детского труда (8, с. 3, 15). С одной стороны, ремесленники не хотели иметь ничего общего с гражданскими судами и обществами попечения, принимавшими как правило сторону слабого. С другой, рентабельность производства зависела в большой степени от детского труда.

В результате работы Комиссии для пересмотра уставов фабричного и ремесленного (КПУФР), образованной в 1859 г. под председательством барона А. Штакельберга, было осмотрено 1525 ремесленных заведений и составлен доклад, опубликованный в 1860 г., в котором констатировалось широкое распространение злоупотреблений властью со стороны мастеров и о неудовлетворительном положении учеников. Произвол и жестокость достигали, согласно докладу, крайних пределов: удары кулаком и различными предметами по лицу, таскание за волосы и избиения ногами были среди

ремесленников, по выражению членов комиссии, обычным делом (39, т. 1, с. 79-80, 304).

По окончании работы комиссии 44 мастера были оштрафованы, у 14 мастеров ученики были отобраны и отданы другим мастерам, четыре мастера попали под суд. Показательно, что мастера были не согласны с постановлениями комиссии и судов. Даже зная, что мастерскую будут проверять, они вовсе не пытались изменить свое поведение или скрывать свое грубое обращение с учениками (39, т. 1, с. 305; 8, с. 9-10).

Комиссия предложила принятие ряда мер по исправлению такого положения дел, а именно, обязать ремесленных голов, цеховых старшин и их товарищей постоянно следить за положением учеников. Ремесленная управа обязывалась под наблюдением медицинской комиссии освидетельствовать ремесленные мастерские. Было предложено восстановить подмастерскую управу, существовавшую, впрочем, по замечанию комиссии, только на бумаге. Также мастерам было предложено принимать учеников без письменных договоров, что вероятно должно было облегчить участь учеников, получивших возможность ухода от мастера в любое время. Пожелание, сократить продолжительность рабочего дня до двенадцати часов с двухчасовым перерывом на отдых, было оставлено, без особых последствий (39, т. 1, с. 35).

Генерал-губернатор Петербурга граф Павел Николаевич Игнатъев (1854-1861) выразил сомнение в успешности предложенных мер. По его мнению, можно было сколько угодно издавать предписаний, которые, так же как и ранее, не будут выполняться (39, т. 1, с. 35). Задание старшинам проверить все мастерские было физически невозможно и, из-за недостатка времени, невыполнимо, так как самой комиссии потребовалось три года, чтобы проверить «всего лишь» 1.525 мастерских, в то время как в городе имелось в наличии около 12.000 мастерских под управлением ремесленной управы и еще 3000 мастеров, не вступивших в цехи (39, т. 1, с. 36).

По мнению Игнатъева, которое грешило своей односторонностью, причиной такого положения было исключительно цеховое устройство ремесла. Он пришел к выводу, что ремесло страдает от недостатка промышленной свободы, и что цехи снижают конкурентоспособность цеховых ремесленников. Он предложил снять с ремесла всякие «ограничения», чтобы способствовать его развитию. Вызывает сомнение, что освободив ремесло от какой бы то ни было организации, оно стало бы более конкурентоспособным по сравнению с крупной промышленностью. Игнатъев утверждал, что именно промышленная свобода позволит значительно улучшить положение ремесла (39, т. 1, с. 60, 139, 307). Примечательно, что под «промышленной свободой» генерал-губернатор понимал патриархальное ведение хозяйства – как раз то, от чего ремесло должно было избавиться, когда в повседневной жизни обычай с успехом заменяет формальности в виде письменных договоров (39, т. 1, с. 317). На практике наблюдалось как раз обратное, так как именно патриархальные порядки вели к бесправью учеников и их жалкому состоянию.

Игнатъев обращал внимание правительства на то, что до сих пор акценты ставились лишь на положении учеников на крупных предприятиях, хотя, по его мнению, ремесленные мастерские имели «те же самые признаки». Как и на заводах, труд учеников был практически бесплатным. Они не получали до определенного возраста почти никаких технических знаний, выполняя черную работу в мастерской и в хозяйстве, подрывая непосильной работой свое здоровье. Поэтому, как правильно полагал Игнатъев, предписания, имевшие силу закона для крупных предприятий, должны были быть распространены и на ремесленные. Это бы означало, что ученики должны были приниматься в обучение не моложе двенадцати лет. Ученики в возрасте с 12 до 18 лет не должны были работать более двенадцати часов в день. Работа в ночные часы для учеников моложе 18 лет между 20:00 и 5:00 была запрещена (39, т. 1, с. 358).

Эти предложения долгое время не могли быть реализованы ввиду того, что старшины цехов видели круг своих обязанностей в сборе налогов и не вмешивались во «внутренние дела» мастеров, чтобы не вызвать неудовольствия со стороны своих коллег (8, с. 11). Сами члены комиссии сомневались в целесообразности оказания давления на мастеров, так как опасались неизбежного

увеличения споров между старшинами и мастерами в случае, если первые будут требовать от мастеров неукоснительного исполнения всех правил ремесленного устава. Следовательно, ввиду нежелания мастеров выполнять требования комиссии, а также из-за компромиссной позиции членов комиссии, и прежде всего самого генерал-губернатора и полиции, занимавших сторону мастеров, быстрого изменения дел к лучшему ждать не приходилось (39, т. 1, с. 60).

Дело осложнялось тем, что так называемое фабричное законодательство не распространялось на ремесленные мастерские с числом занятых менее 16 (1, с. 3-5). По этой причине законы – об ограничении детского труда от 1 июня 1882 г. и о запрещении для женщин и детей работы в ночную смену в текстильной промышленности 1885 г., не распространялись на более мелкие предприятия (20). Теоретически ремесленная управа могла осуществлять более строгий контроль, фактически у нее было мало средств для этого. Такое положение дел вело к криминализации учеников. Согласно статистике Рукавишниковского исправительного приюта в Москве, половину несовершеннолетних преступников в 1880-1888 гг. составляли бывшие ремесленные ученики, в основном из сапожных мастерских (8, с. 5). Почти все без исключения ремесленные ученики обладали слабым здоровьем, поэтому самый высокий процент рекрутов, признанных негодными к военной службе, составляли именно ремесленники (8, с. 5).

Самоорганизация общества и мобилизация общественных ресурсов привела к организации ряда съездов по самым разным профессиональным признакам. Не остались в стороне и ремесленники, организовавшие при помощи технической интеллигенции в 1900 и 1911 гг. два съезда, представляющих разительный контраст в позиции ремесленных мастеров. Дело в том, что на первом ремесленном съезде в 1900 г. ремесленное сословие подверглось жесткой критике со стороны технической интеллигенции и врачей из-за неудовлетворительного положения в ремесленных мастерских, работа в которых оказывала на души и здоровье учеников губительное влияние. Мастера реагировали на критику с неприязнью. Их неприятие фабричного законодательства по защите рабочих привело к принятию резолюции, допускавшей повышение продолжительности рабочего дня с 10 до 11,5 часов. Они требовали также возвращения разрешения на работу в ночные часы. Против поставленного на голосование вопроса об ограничении рабочего дня до восьми часов, хотя бы для несовершеннолетних, мастера проголосовали единогласно против. Горячие дебаты вызвало также предложение, выделить для учеников шесть часов в неделю для посещения школы. Делегат Коротович высказал общее мнение, что мастера не собираются выращивать себе конкурентов. Смоленский цеховой старшина Степанов был единственным, потребовавшим съезд пойти в этом вопросе на компромисс, но был освистан (3, 26, т. 3). Более сдержанную позицию по отношению к цехам занимал А. И. Ядров, указывавший на важность институционализации ремесленного образования в рамках ремесленной мастерской, особенно в сравнении с нерегулярным внецеховым ремеслом, не подлежавшем вообще никакому контролю (43, 44). Ядров указывал на то, что положение ученика было не таким уж и плохим по сравнению с прошлыми десятилетиями, так как суды присяжных в спорных юридических вопросах о защите учеников теперь почти всегда становились на сторону последних (43; 44). Дискуссия по вопросам ремесленного образования затруднялась исключительно негативной позицией подавляющего большинства технической интеллигенции по отношению к цехам, а также бескомпромиссной позицией большинства ремесленных мастеров до начала XX века (43, с. III-IV).

Во время съезда провалились почти все предложения представителей технической интеллигенции по ремесленному образованию. Лишь удаление одного пункта ремесленного устава о наказании ученика, мастера готовы были поддержать при условии, что им будет оставлено право применять «меры домашнего исправления». Характерная деталь, показывающая настроения мастеров: слова петербургского ремесленника Волкова о благотворном влиянии розог на воспитание учеников вызвали всеобщий энтузиазм и громкие овации (3, с. 163).

Так называемые «меры домашнего исправления» были прописаны в ремесленном уставе в

XIX в. В новом кодексе уголовного права под параграфом 1377 они были сохранены именно в традиционной формулировке, заимствованной из указа от 15.08.1845 г. Законодатель считал возможным даже такую воспитательную меру, когда мастеру позволялось не давать ученику достаточно отдыха. Легитимным средством считалось «причинение ран и увечий» ученику в целях его «исправления» (12, с. 297-299). Не нашло отклика и предложение, организовать для учеников посещение школ, а также общежития вне дома мастера.

Неприятие каких-либо реформ мастерами выражалось в их настороженной позиции ко всем предложениям технической интеллигенции. Давала себя знать консервативная политика русского правительства последних двух десятилетий, носившая исключительно охранительный характер в отношении цехов. Ведь известно, что с середины XIX века имелось множество предложений по улучшению положения дел в ремесле, со стороны самих ремесленников, старшин и ремесленных голов (25; 30, л. 1-3; 32, л. 3-5).⁵

В 1880-е годы цеховые мастера учредили в Петербурге Ремесленное бюро и «Попечительство о существующих личным трудом детях и подростках, обучающихся различного рода ремеслам у цеховых мастеров города С. Петербурга» (Попечительство) (16, с. 1-4). В Ремесленном бюро дети получали востребованные профессии портного, слесаря, токаря, механика (16, с. 7-9). Попечительство имело схожие задачи, а именно – освободить учеников от бремени домашней работы в хозяйстве мастера, поместив их в приют, обеспечить им начальное образование и сносные условия существования. Мастера обязаны были платить за своих учеников от 5 до 13 рублей в месяц, которых все же не хватало на покрытие всех издержек. На содержание одного ученика Попечительство расходовало от 149 до 197 рублей в год (29, л. 8; 9, S. 551).

Ввиду огромной потребности промышленности, и не только ремесленной, в технических специалистах, эти учреждения имели принципиальное значение, но были совершенно недостаточными. Согласно расчетам сотрудника пятого отдела Общества для содействия русской промышленности и торговле (ОДСРПиТ) Г. Ф. Ракеева, которые он привел в своем докладе министерству торговли и промышленности от 29.09.1908, в ремесленных мастерских столицы имелось 9.400 учеников, 73% мальчиков и 27% девочек (24, с. 1).

По качеству обучения учеников, мастерские можно разделить на три группы. К первой группе принадлежали традиционные ремесленные мастерские, в которых ученики имели наиболее высокие шансы получить хорошее обучение. К ним принадлежали мастерские золотых и серебряных дел мастеров и иные заведения, производящие предметы роскоши. Опасность того, что в результате ошибки ученика могли возникнуть большие потери, не оставляло мастеру другой возможности, как основательно обучать учеников.

Ко второй группе принадлежали «мастерские-фабрики», дававшие поверхностное техническое образование, ввиду производства большого количества однотипной продукции, не требовавшей специальных навыков и знаний. Эти мастерские поставляли не только первичные заготовки или полуфабрикаты для фабрик и заводов, но и низкоквалифицированные кадры. К третьей группе принадлежали мастерские, осуществлявшие заказы крупных предприятий по сборке определенных продуктов из уже готовых частей, поставлявшихся этими предприятиями. Такого рода мастерские потеряли характер ремесленного труда и были по факту филиалами крупных предприятий. Здесь ученик превращался в малолетнего рабочего, не имевшего никаких шансов стать подмастерьем или даже мастером, оставаясь навсегда низкоквалифицированным рабочим (24, с. 5).

Без сомнения, было бы ошибочным обвинять исключительно ремесленных мастеров, вынужденных бороться за выживание в условиях жесткой конкуренции, в недостаточном образовании учеников. Правовой нигилизм, имевший широкое распространение среди низших и средних слоев населения, приводил к тому, что множество письменных договоров со стороны родителей и учеников

⁵ Эти документы впервые введены автором в научный оборот в своей диссертации (9, S. 279, 280, 285).

не соблюдалось. Существовала опасность, что ученик после получения необходимых навыков мог покинуть мастера до истечения срока договора и начать работать в другой мастерской уже за деньги. Данная практика была особенно распространена среди малоимущих семей, нуждавшихся в дополнительном приработке для пополнения семейного бюджета (24, с. 15-16).

Ремесленные школы и профессиональные училища большинству желающих были недоступны, в связи с высокой платой за обучение, доходившей до 200 рублей серебром. Чтобы обеспечить в 1892 г. всех 9.000 ремесленных учеников, числящихся у цеховых ремесленников, местами в ремесленных училищах, на их содержание необходимо было бы тратить 2.000.000 серебряных рублей в год. Этих денег не было ни у правительства, ни у города, ни у ремесленной управы (24, с. 24). Голод, вызванный неурожаем 1890 и 1891 годов, представлял куда большую проблему для правительства, которую оно должно было решать незамедлительно.

Публикация документов в статье И. В. Синовой показывает, что многочисленные распоряжения генерал-губернатора Клейгельса и правила содержания ремесленных заведений, распечатанные в количестве 9.000 штук, не всегда имели должное воздействие. Часто проверяющие вынуждены были довольствоваться констатированием факта о невыполнении многими ремесленниками предписаний городских властей и ремесленной управы. Было ли постановление цехового схода мастеров портного цеха Санкт-Петербурга от 25 февраля 1900 г. об обязательном посещении ремесленными учениками воскресных школ и 10-часовом рабочем дне выполнено всеми мастерами без исключения? (37). Скорее всего – нет. Но важен был процесс осознания ремесленниками необходимости преобразований и их постепенного осуществления.

В этом смысле второй ремесленный съезд, прошедший в 1911 г., представлял разительный контраст к съезду 1900 г. Осознание мастерами необходимости реформирования ремесленного образования было налицо. Съезд единодушно выступил за запрещение телесных наказаний учеников, за введение обязательного и бесплатного школьного образования (14, с. 287, 289). Споры вызвало количество часов, выделяемых для школьных занятий. Депутаты требовали двенадцать часов в неделю, что было менее минимума, определенного законом от 15.11.1906 в 18 часов. Мастера были правы, так как при наличии десятичасового рабочего дня у учеников просто не оставалось бы сил для посещения школы. Для этого необходимо было сократить рабочий день, на что мастера еще не готовы были пойти (2, с. 50). В противном случае, ученики бы просто засыпали на уроках в вечерних школах.

С начала второго промышленного подъема перед Первой мировой войной, общественными деятелями и представителями инженерно-технической интеллигенции было вновь обращено пристальное внимание на недостаточно развитое ремесленное образование, из-за чего чувствовался острый недостаток в профессионально-технических специалистах. Поэтому городская дума предложила в 1911 г. проект по развитию общегородской системы ремесленного образования, отвечающей промышленным потребностям города. По расчетам комиссии народного образования при Петербургской городской думе на финансирование проекта требовалось 1,5 млн. руб. и 130 тыс. руб. для текущих расходов ежегодно. Члены комиссии по финансам при городской думе привлекли к совещаниям по этому вопросу ведущих экспертов: председателя комиссии по народному образованию А. В. Бельгарда, ее участников С. В. Жданова и Н. Н. Медведева, директора Охтенской механико-технической школы И. Ф. Бунина, окружного инспектора промышленных училищ министерства народного просвещения Н. Г. Грузова, руководителя мастерской при ремесленной школе им. Цесаревича Николая, Н. Б. Завадского, и члена Общества содействия русской промышленности и торговли Г. Ф. Ракеева. Совещание не дало ожидаемого результата. Комиссия пришла лишь к давно известному выводу о недостаточном развитии ремесленного образования. Так и не начавшись, проект не мог быть закончен ввиду того, что члены комиссии не могли определиться с тем, какие цели должны были преследовать ремесленные училища, каким востребованным профессиям должны были обучаться ученики, и какой диплом они должны были получать – мастера-руководителя или подмастерья-рабочего (41, с. 107-109).

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что развитие ремесленного образования было противоречивым и сложным явлением, которое невозможно охарактеризовать однозначно. Путем проб и ошибок, в процессе настойчивой работы и осмысления места и роли ремесла в хозяйственной жизни столицы, образование ремесленных учеников с трудом, но медленно и верно развивалось в сторону усиления защиты прав учеников, улучшения условий их обучения и жизни, уменьшения произвола и насилия со стороны ремесленных мастеров. Говоря о негативных фактах в ремесле, не стоит забывать, что огромная армия ремесленников осуществляла жизнеобеспечение одного из крупнейших городов Европы, нуждавшегося ежедневно в продуктах питания, одежде, обуви, жилье.

И хотя на втором ремесленном съезде в 1911 г. также раздаются критические голоса в адрес ремесла, как, например, высказывание делегата съезда Д. П. Никольского, аналогичное словам В. О. Иордана в 1894 г., что ремесленное учение есть «ученичество-мученичество», ученики – всего лишь дешевая рабочая сила, а обучение в ремесле – ничто иное, как чистая эксплуатация детей, наблюдаются положительные сдвиги (14, с. 288). В большинстве своем ремесленные мастера, в отличие от съезда в 1900 г., поддержали предложения съезда о реформировании ремесленного образования (14, с. 287, 289).

Противоречивость отношений между мастерами и учениками находила свое выражение в правотворческой деятельности в области регулятивного права. Если К. К. Грот призывал в начале 1840-х гг. к обязательному введению письменных договоров, то комиссия А. Штакельберга и генерал-губернатор Петербурга П.Н. Игнатьев рекомендовали в начале 1860-х гг. ограничиться всё же устными. Напротив, в конце XIX в. Г. Ф. Ракеев выразит всеобщее мнение, выступая за обязательное введение письменных договоров (23, с. 2). Наконец, в 1900 г. ремесленный съезд вынес резолюцию: «Запретить отдачу и прием малолетних в обучение ремеслам без письменного договора» (40, с. 36).

Будь то члены правительства, «образованного общества», аристократии, западники или славянофилы – все они воспринимали себя европейцами или размышляли в рамках европейского дискурса. Даже порицая «пагубное» влияние «Запада», они считали Россию естественной частью европейского континента – политической, культурной, экономической. Поэтому всему, что происходило в Европе, в особенности в Германии, уделялось пристальное внимание. Грот рассматривал цехи в рамках городского и корпоративного права (немецкий город, коммуна), Штакельберг и Игнатьев – с точки зрения либерализации экономики (отмена цехов в Германии), Ракеев, Иордан, Малин и др. представители технической интеллигенции и разночинцев – прагматично с точки зрения рабочего законодательства.

То, чего еще два десятилетия лет назад нельзя было себе представить, стало реальностью в 1911 г. на Втором Всероссийском ремесленном съезде. Делегаты единогласно проголосовали за отмену телесных наказаний, введение обязательного и бесплатного школьного образования (9, S. 295; 14, с. 287, 289; 12, с. 297-299).

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

1. Alymov V. K. K voprosu o polozhenii truda v remeslennom proizvodstve (On the question of the position of labor in handicrafts). *Narodnoe khozyajstvo, noyabr-dekabr, 1904, kn. 6, p. 3-5.* (in Russ.).

2. Andreev E. N. O rabote i obuchenii maloletnikh rabochikh. Trudy j,shchestva dlya sodeystviya russkoy promyshlennosti i trgovle (The work and training young workers. Proceedings of the Society for the Promotion of Russian Industry and Trade), Part. 13. SPb., 1883, p. 47-68. (in Russ.).
3. A. P. Nashi remeslenniki. Russkoe bogatstvo (Our craftsmen. Russian wealth), 1900, № 4, p. 160-172. (in Russ.).
4. Batyshev S. Ya., Novikov A. M., Osovskiy E. G. (eds.). Istoriya professionalnogo obrazovaniya v Rossii (The history of professional education in Russia). M., 2003. (in Russ.).
5. Bezzashchitnost remeslennykh uchenikov. Avtor neizvesten. Vestnik Evropy (Defenselessness craft apprentices. Author Unknown, Herald of Europe), Vol. 5, part 10 (oktyabr 1879). (in Russ.).
6. Vakhromeeva O. B. Peterburgskaia remeslennitsa v kontse XIX-nachale XX veka // Peterburgskie issledovaniia: Sbornik nauchnykh statei. SPb., 2014, c. 40-50.
7. Entsiklopediya professionalnogo obrazovaniya (Encyclopedia of professional education), Vol. 1-3. S. Ya. Batyshev (ed.). M.: Ros. akad. obrazovaniya: Prof. obrazovanie, 1999. (in Russ.).
8. Iordan V. O. Ucheniki-remeslenniki (Young craftsmen, Russian thought). Russkaya mysl, 1894, Vol. 4, p. 1-24. (in Russ.).
9. Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Frankfurt am Main, Berlin, Bern u.a.: Peter Lang, 2002.
10. Keller A. V. Stanovlenie i razvitie remeslennogo obrazovaniya v Sankt-Petersburge nachala 18 – nachala 20 vv. (The formation and development of professional education in St. Petersburg on the early 19th – early 20th century), Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta (News of the Ural Federal University), Series 2: Humanities Arts, 2014, 3 (130), p. 227-240. (in Russ.).
11. Kitanina T. M. Rabochie Peterburga v 1800-61 gg.: promyshlennost, formirovanie, sostav, polozhenie rabochikh, rabochee dvizhenie (The industry workers of St. Petersburg in 1800-61, industry, formation, composition, position of workers, the labour movement). L., 1991. (in Russ.).
12. Kremlev A. N. Ob otmene telesnogo nakazaniya dlya remeslennykh uchenikov (Abolishing corporal punishment for craft students). Trudy Vserossiyskogo sezda po remeslennoy promyshlennosti 1900 g. (Proceedings of all-Russian Congress on handicraft industry). SPb., 1900, Vol. 1-3. Vol. 3. P. 297-299 (in Russ.).
13. Lange S. Zur Bildungssituation der Proletarierkinder im 19. Jahrhundert: Kinderarbeit und Armenschulwesen in der sächsischen Elbstadt Pirna. Berlin, 1978.
14. Malin A. Vtoroy vserossiyskij remeslennyi sezd (The second all-Russian handicraft Congress), Vestnik Evropy (Europe Herald), 1911, Vol. 3 (march), p. 287-292. (in Russ.).
15. Ob ustroystve remeslennogo sosloviya (About position of the handicraft guilds), ZhMVD (journal of the Ministry of internal Affairs), Div. 2, Part. 3, Vol. 5, 1853, p. 1-40. (in Russ.).
16. Otchet Remeslennogo byuro za 1886 god (The report from Handicraft Bureau for 1886). SPb., 1887. (in Russ.).
17. Otchety S.-Peterburgskoy remeslennoy upravy za 1866-1910 gg. SPb., 1867-1913.
18. PSZ-1 (Polnoe sobranie zakonov / Complete collection of laws), Vol. 6, № 3980. (in Russ.).
19. PSZ-1, Vol. 22, № 16187. Ibid.: № 16188. Remeslennoe polozhenie (Handicraft condition). (in Russ.).
20. Puttkamer J. v. Die Anfänge der russischen Arbeiterschutzgesetzgebung und ihre westeuropäischen Vorbilder // Reformen in Rußland des 19. und 20. Jahrhunderts: Westliche Modelle und russische Erfahrungen, hrsg. v. Dietrich Beyrau u.a. Frankfurt/Main, 1996. S. 85-107.
21. Pyatidesyatiletniy otchet Aleksandrovskoy Shkoly dlya detey bednykh remeslennikov S. Peterburgskogo remeslennogo obshchestva. St. Peterburg, 1912.
22. Quandt S. (Hrsg.). Kinderarbeit und Kinderschutz in Deutschland 1783-1976. Quellen und Anmerkungen. Paderborn, 1978.
23. Rakeev G. F. Doklad (Report), Trudy Vserossiyskogo Torgovo-promyshlennogo sezda 1896 g. v Nizhnem Novgorode (Proceedings of all-Russian Trade and industrial Congress of 1896 in Nizhny Novgorod), p. 2.

SPb., 1897. (in Russ.).

24. Rakeev G. F. Ob uchenichestve u masterov (About apprenticeship by the masters), Trudy obshchestva dlya sodeystviya russkoy promyshlennosti i trgovle. Zapiski V otdeleniya po kustarnoy i remeslennoy promyshlennosti 1889-1891 (Proceedings of the society for the promotion of Russian industry and trade. Notes V Department of artisanal and craft industry 1889-1891). SPb., 1892. (in Russ.).
25. Rezanov V. A. Vzgl'yad na khod portnogo masterstva v Rossii (Look at the progress of the tailor profession in Russia). SPb., 1847. (in Russ.).
26. Remeslennoe uchenichestvo (Handicraft apprenticeship), Vol. 3 // Trudy Vserossiyskogo sezda po remeslennoy promyshlennosti v S. Peterburge 1900 g. (Proceedings of all-Russia Congress of handicraft industry in S. Petersburg, 1900). SPb., 1900, Vol 1-3. (in Russ.).
27. RGIA (Russian state historical archive St. Petersburg). F. 18. Op. 2. D. 296.
28. RGIA. F. 560. Op. 8. D. 577.
29. RGIA. F. 1278. Op. 2. D. 664.
30. RGIA. F. 1287. Op. 37. D. 93.
31. RGIA. F. 1287. Op. 37. D. 409.
32. RGIA. F. 1287. Op. 37. D. 1931.
33. RGIA. F. 1287. Op. 38. D. 78.
34. RGIA. F. 1341. Op. 107. D. 1389.
35. Romantsev G. M. (ed.). Problemy stanovleniya professionalnogo remeslennogo obrazovaniya v Rossii (Problems of formation of professional handicraft education in Russia). Kollektivnaya monografiya (Collective monograph). Yekaterinburg: RGPPU, 2012. (in Russ.).
36. Sinova I. V. Remeslennoe uchenichestvo v Sankt-Peterburge vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 veka: diskurs povsednevnoy zhizni, Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN, № 4, 2013. Series «Humanities research», Series 4, p. 68-73. (in Russ.).
37. Sinova I. V. «...Sledit za dobrymi i otecheskimi otnosheniyami masterov k svojim uchenikam...». Dokumenty o remeslennom uchenichestve na rubezhe 19–20 vv. V Tsentralnom gosudarstvennom istoricheskom arkhive Sankt-Peterburga (Watch out for the kind and fatherly relations of masters to their disciples...". Documents about craft apprenticeship at the turn of XIX-XX centuries in the Central state historical archive of St. Petersburg), Otechestvennye arkhiy (National archives), 2012, № 6, p. 76-92. (in Russ.).
38. Tits B. Remeslennoe uchenichestvo (Handicraft apprenticeship). SPb., 1908. (in Russ.).
39. Trudy komissii, uchrezhdennoy dlya peresmotra ustavov fabrichnogo i remeslennogo (Proceedings of the fee established for the revision of the statutes of the factory and handicraft). SPb., 1863-1865, Vol. 1-5. (in Russ.).
40. Trudy vserossiyskogo sezda po remeslennoy promyshlennosti 1900 r. (Proceedings of the all-Russian Congress of the handicraft industry in St. Petersburg, 1900), vol. 3. SPb., 1900. (in Russ.).
41. Trudy vtorogo vserossiyskogo sezda po remeslennoy promyshlennosti v S.-Peterburge 1911 r. (Proceedings of the second all-Russian Congress of the handicraft industry in St. Petersburg, 1911). SPb., 1911. (in Russ.).
42. Vox Redactoris. Newton's third law in Russian History, in: Quaestio Rossica, №2, 2014, S. 11-12.
43. Yadrov A. I. V zashchitu russkikh tsekhov. Saint Petersburg, 1897.
44. Yadrov A. I. Golos remeslennika. Ob upadke remeslennoy promyshlennosti (The voice of the craftman. About the decline of handicraft industry). SPb., 1900. (in Russ.).